

движения. В конце XIX в. они трудились в Санкт-Петербургском комитете грамотности, один – товарищем председателя, второй – секретарем. Они практически всегда шли вместе и в литературной, и общественной деятельности. Указанное выше их совместное издание называли «первым подробным исследованием народного образования во всей России».

Особую важность ему придает то, что в России на тот период не существовало единого учреждения, в котором бы собирались и обобщались данные обо всех типах народных школ. Указанное издание являлось, по сути дела, первым надежным источником, обобщавшим статистические данные о развитии системы начального образования в стране. Авторы сборника использовали данные Министерства народного просвещения, Училищного совета Святейшего синода и подведомственных ему епархиальных училищных советов, данные уездных земских управ, городских управ и др.

Подводя итоги обзора исторических исследований, опубликованных в конце XIX – начале XX в., можно сделать вывод о том, что их авторы сходились во мнении о глубоких положительных изменениях, к которым привела начатая в период царствования Александра II образовательная реформа. Многие акцентировали внимание на объективной обусловленности реформы, вызванной прежде всего теми социальными последствиями, к которым привела отмена крепостного права. Авторы исследований показали неоднозначность отношения к вопросам образования, сложившегося как в государственном аппарате, так и в обществе. Все это неизбежно накладывало свой отпечаток на характер и последствия тех мероприятий, которые осуществлялись в сфере просвещения.

Примечания

¹ Гадзяцкий П. Двадцатипятилетие царствования государя императора Александра II. СПб., 1881. С. 104–105.

- ² Там же. С. 136–137.
- ³ Вертеловский А. Реформы императора Александра II. Исторический очерк. Харьков, 1880. С. 4.
- ⁴ Там же. С. 33–34.
- ⁵ Там же. С. 35.
- ⁶ Там же. С. 36.
- ⁷ Шумахер А. Император Александр II. Исторический очерк его жизни и царствования. СПб., 1903. С. 135.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 137.
- ¹⁰ Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование : в 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 234.
- ¹¹ Там же. С. 238.
- ¹² Там же. С. 246.
- ¹³ Там же. С. 247–248.
- ¹⁴ Там же. С. 250.
- ¹⁵ Там же. С. 275.
- ¹⁶ Там же. С. 251.
- ¹⁷ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 119.
- ¹⁸ Миллюков П. Очерки по истории русской культуры : в 3 ч. СПб., 1897. Ч. 2. С. 303–304.
- ¹⁹ Там же. С. 343.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 344–345.
- ²² Там же. С. 347–348.
- ²³ Там же. С. 348.
- ²⁴ Там же. С. 349.
- ²⁵ Кантерев П. Ф. История русской педагогики. 2-е изд. Пг., 1915. С. 377.
- ²⁶ См.: Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912.
- ²⁷ См.: Веселовский. Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909.
- ²⁸ См.: Чарнолуцкий В. Земство и народное образование : в 2 ч. СПб., 1910.
- ²⁹ См.: Звягинцев Е. А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1917.
- ³⁰ См.: Начальное народное образование в России / под ред. Г. Фальборка и В. Чарнолуцкого : в 4 т. СПб., 1900–1905.

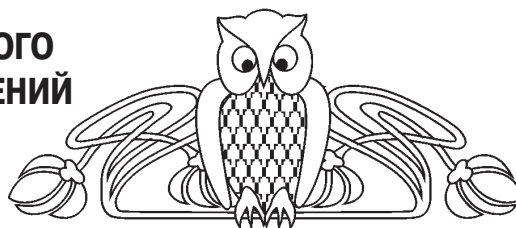
УДК 94(47). 083 + 929 Замысловский

«САРАТОВСКОЕ ДЕЛО» Г. Г. ЗАМЫСЛОВСКОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА. ПРАВО И НРАВЫ

В. В. Хасин

Саратовский государственный университет
E-mail: hasin1@rambler.ru

Статья посвящена интерпретации материалов «Саратовского дела» в работах известного деятеля русского правового движения Г. Г. Замысловского. В ней рассмотрена роль «Саратовского дела» в пропаганде ряда положений правых по национальному и ряду дру-

гих вопросов. Особое внимание обращено на ритуальные аспекты в контексте дела Бейлиса, дискуссии по этому вопросу, причины фальсификации фактов Замысловским. Исследован механизм инкорпорирования ритуальной мифологемы в официальное право.
Ключевые слова: Г. Г. Замысловский, Союз русского народа, «Саратовское дело», «дело Бейлиса», ритуальный процесс, национальный вопрос.

«Saratov Case» of G. G. Zamylovsky through the Prism of Social Relations of the Beginning of the XX Century. Law and Morals

V. V. Hasin

The paper is devoted to interpretation of «Saratov case» in the works of the famous figure of Russian right-wing movement G. G. Zamylovsky. It examines the role of «Saratov case» in the propaganda of several provisions of the Right monarchists on the national and other issues. Particular attention is drawn to the ritual aspects of the Beilis case, the debate on this issue, the reasons for falsification of facts by the author. It also investigates the mechanism of inclusion of «ritual» mythology into the formal legislation.

Key words: G. G. Zamylovsky, Union of Russian People, «Saratov case», «Beilis case», ritual process, national question.

Георгий Замысловский был, наверное, одной из самых значительных фигур среди правых монархистов в III и IV Государственной думе. До этого Георгий Георгиевич был обвинителем практически на всех политических процессах против левых радикалов в Виленской, Киевской, Могилевской и Гродненской губерниях. Несмотря на обилие его работ, воспоминаний о нем, крайне сложно сказать, как сформировались его взгляды крайнего националиста, черносотенца и антисемита. Все три определения даны не в уничижительной форме, а как его личное определение своих воззрений. Еще сложнее ответить на вопрос о степени искренности его политических убеждений. Соратники и противники Замысловского сходятся во мнении, что он обладал незаурядным умом, был рационалистичен, даже, скорее, прагматичен, являлся высокопрофессиональным практическим юристом. Георгий Георгиевич был и посредником в отношениях правых и правительства, а также координировал взаимоотношения с правой фракцией Государственного совета. Публичную известность Замысловский получил за свои «исследования» ритуальных убийств, изданные большими тиражами, а также за участие в «деле Бейлиса»¹. За публикацию серии работ об употреблении евреями христианской крови Департамент полиции заплатил ему 75 000 рублей, что стало известно после февраля 1917 года². Его политические и судебные оппоненты были достаточно резки в оценках. Так, Л. Д. Троцкий писал о нем: «Замысловский в настоящее время – самая циничная фигура на русской политической арене. Когда мы это говорим, мы не забываем ни Пуришкевича, ни Маркова. Правда, Замысловский никогда не вызывал в Думе своими речами взрывов негодования, никогда не сосредоточивал на себе такой физической ненависти, как это удавалось нередко Пуришкевичу или Маркову. Но это никак не потому, чтобы в моральном смысле он был выше их. Наоборот, он ниже их уже по одному тому, что его цинизм не смягчен запальчивостью и раздражением»³. Оппонент Замысловского по процессу Бейлиса О. Грузенберг, отличавшийся достаточно

объективными и мягкими высказываниями, дал Георгию Георгиевичу следующую характеристику: «Г. Г. Замысловский – человек крупных способностей, но исключительной душевной низости»⁴. Очевидно, что в беспокойное предвоенное и предреволюционное время политические оппоненты были, вполне вероятно, чрезмерно эмоциональны в оценках друг друга. Большой необходимости в сложном психологическом анализе душевных порывов Замысловского нет, это можно оставить жанру исторической публицистики. Нам важно, что практически все сходятся в том, что это был человек интеллектуальный, профессиональный, прагматичный, немного циничный, талантливый организатор. Душевные порывы были ему чужды, и в своих действиях он руководствовался тонким расчетом, что в целом для политика неплохо. Написанные им сочинения – это не эмоциональный полуграмотный бред человека, движимого животным чувством антисемитизма, как полагал ряд современников и исследователей. Антисемитизм и «ритуальность» в них – не более чем понятное орудие для достижения иных, не менее важных личных и политических целей.

Работы Г. Г. Замысловского, посвященные известному «Саратовскому делу» об убийстве двух христианских мальчиков, достаточно хорошо известны не только специалистам, но и всем увлекающимся этноконфессиональной историей начала XX века. Нет никакого смысла опровергать или подтверждать написанное в них, сделано это было десятки раз⁵. Труд, без сомнения, изобилует неточными компиляциями, вырванными цитатами, очевидными неточностями. С полной уверенностью можно сказать, что автор делал их намеренно, прекрасно осознавая, что далек от объективности и попытки пролить свет на события, происходившие в далеком губернском городе более чем за полвека до публикации его исследования. Именно поэтому важно не что написал Замысловский, а почему он это делал. Сопоставляя личность автора и те грубые ошибки, которые он допустил, очевидно, намеренно, можно прийти к единственному выводу, что работа никакого отношения к исследованию проблем «Саратовского дела» не имела. Через призму общей сюжетной канвы событий, произошедших в Саратове, проявляется сгусток современных автору противоречий. Фактический материал так грамотно подобран, так скомпонован и сфальсифицирован, что представляет собой широкий набор «посланий» различным социальным, политическим, духовным и культурным группам. Прямо и опосредованно в работе идет речь о другом, более громком и известном «деле Бейлиса». Сам Г. Г. Замысловский был активным участником процесса и даже выступал вместе с другим правым деятелем, Шмаковым, как представитель интересов потерпевшей стороны – матери погибшего Андрея Ющинского⁶. Однако и само «дело Бейлиса» ни в коем случае не было посвящено раскрытию чудовищного убийства

Андрея Ющинского, а было лишь инструментом сложной политической игры.

Процесс над Менахемом Менделем Тевьевом Бейлисом стал во многом лакмусовой бумажкой состояния российского общества начала XX века. Вопрос был не в Бейлисе, чья непричастность к делу была очевидна как для сторонников, так и для противников обвинения, а в глубоких и сложно разрешимых проблемах русского общества. И анализ такого важного нарратива как книга Замысловского дает возможность оценить ряд проблем, более или менее в них отраженных.

«Дело Бейлиса», участие в нем Замысловского и написание трактатов о «Саратовском деле» пришлось на очень беспокойное время в общественно-политической жизни империи – период 1911–1914 годов. В наибольшей степени процесс раскола и отсутствие какого-то общего вектора коснулись как раз монархических, националистических и даже черносотенных организаций. «Дело Бейлиса» это наглядно продемонстрировало. Никакого единого правомонархического поддерживаемого правительством фронта не получилось. Само черносотенное движение переживало кризис в 1911 году. Длительные прохладные отношения между основателем Союза русского народа Дубровиным и его ближайшими соратниками, в частности Марковым и Пуришкевичем, вылились в окончательный организационный раскол движения в 1912 году⁷.

Серьезным соперником на правом фланге политической борьбы был для правых монархистов Всероссийский национальный союз (ВНС). Основным противоречием была борьба за «административный» ресурс, распределение бюджетной помощи и потенциальный электорат, в первую очередь в юго-западных и западных губерниях со смешанным русско-инородческим населением. Основанный в 1908 г. как правая проправительственная партия, ВНС в 1911 г. тоже переживал не лучшие времена. Его идеология базировалась на ряде взаимоисключающих положений. ВНС попытался осуществить триединый сплав глубоко противоречивых между собой начал: российского империализма, русской этнократии и европейской модернизации⁸. Империализм и этнический национализм в многонациональном государстве так же осуществимы, как абсолютное самодержавие и европейское саморегулирующееся общество. В 1909 г. националисты при явном сочувствии со стороны П. А. Столыпина объединились в мощную (вторую по численности) проправительственную Русскую национальную фракцию⁹. Однако 1 сентября 1911 г. Столыпин был убит евреем Богровым в Киеве – городе, где только зарождался мало кому еще в России и мире известный процесс над Бейлисом.

Создавшаяся ситуация давала возможность черносотенным организациям улучшить свое политическое положение перед выборами в Государственную думу, в первую очередь за счет

административного и электорального ресурса националистов.

Еврейский вопрос как для черносотенцев, так и для националистов играл ключевую роль. Сыграть на чувстве антисемитизма во властных коридорах и крайне сильных антиеврейских настроениях в западных и юго-западных областях империи значило получить большие преимущества. Для этого был необходим яркий, шумный процесс, который привлек бы всеобщее внимание. Сложно придумать что-нибудь более эффективное, чем ритуальное дело, сопряженное с кровавым убийством ребенка. Некоторым исследователям логика подсказывает, что правые не только инспирировали процесс, но и причастны к самому убийству¹⁰. Существует даже мнение, что непосредственно сотрудники ГЖУ и Охранного отделения и совершили это чудовищное преступление¹¹. Эта крайняя точка зрения столь же маловероятна, как и то, что убийцей был Бейлис. Никаких документов, подтверждающих ее, нет.

Г. Г. Замысловский был хорошим практическим юристом, одним из координаторов работы правых фракций в Государственной думе и Государственном совете, отвечал за связи правых с правительством и, как уже отмечалось, был закулисным организатором, человеком рациональным и прагматичным. Своими выступлениями в Думе он снискал известность как знаток еврейского вопроса и антисемит. Осенью правая печать начала активную кампанию по освещению дела. Из обычного локального происшествия, каких в начале XX в. до и после процесса Бейлиса было около десятка, дело превратилось во всероссийскую сенсацию. В большинстве работ крайне шаблонно трактуются как сама судебная эпопея, так и ее результаты. Набор таких клише достаточно ограничен: разгул государственного антисемитизма, победа прогрессивных сил над сторонниками реакции (или наоборот, продажных космополитов над здоровыми патриотическими силами). Складывается впечатление о консолидированных группах, объединенных четкими идеологическими принципами, отстаивающих определенную и понятную цель. Драма русского общества заключалась в том, что все было ровно наоборот.

«Дело Бейлиса» показало уровень атомизации общества, отсутствие единой и вменяемой государственной политики, пусть даже реакционной и антисемитской. Борьба была не только с либералами и центристами, но и с представителями русских националистов. Монархическая и националистическая газета «Киевлянин» начала защиту Бейлиса за два года до того, как ее стал редактировать Шульгин. «Киевлянин» вышел под шапкой «Вы сами приносите человеческие жертвы!». «Вы» – это в данном случае власть, закулисно поддерживавшая правых. Газета провела единственное в своем роде независимое рассле-

дование, выявившее истинных убийц мальчика. При этом она продолжала делиться с читателями соображениями, «почему они нам не нравятся», ратовала за сохранение «черты оседлости» и других ограничений, наложенных на евреев дискриминационными законами Российской империи¹².

«Саратовское дело» идеально подходило для обобщающего примера не только в ритуальном контексте. Для Г. Г. Замысловского данный подход был бы слишком линеен. Такое сочинение стало бы частью серых брошюр, которые выходили в тот период¹³. Работа Замысловского выдержала два издания, которые имели существенные различия. Первая работа была выпущена в августе 1911 г. 10 000-ным тиражом в Харькове. Замысловский особенно не вдавался в сложные хитросплетения теоретических аспектов ритуальных убийств¹⁴. Он приступил к написанию либо сразу после обнаружения трупа Ющинского, либо заранее, ожидая подходящего события из тех, которые в начале века случались с завидным постоянством.

Материалы «Саратовского дела» настолько замечательно «ложались» на все программные положения правых, на все дискутируемые темы законодательной политики и личных отношений, что даже если бы такого дела и не существовало, его стоило бы придумать. Во-первых, в нем шла речь об убийстве двух мальчиков того же возраста, что и Андрей Ющинский. Во-вторых, это было единственное дело по обвинению евреев в употреблении крови, закончившееся обвинительным приговором. Хотя его ритуальность и не была доказана и обвиняемые были осуждены за жестокое убийство, но подтекст мотивации преступления был понятен и для русского, во многом прецедентного, права приговор играл важную роль. В-третьих, при грамотной расстановке акцентов при кроваво-ритуальном обрамлении можно было осветить проблемы армии, сохранения черты оседлости, земского самоуправления, ослабления централизации бюрократического управления регионов, доверия к выкрестам из евреев и т. д.

Практически в самом начале своего повествования автор обратился к системе организации следственных действий на начальном этапе. Он остановился на абсолютном бездействии местной полиции в изобличении преступников, ее коррумпированности и продажности, волоките, а также отвратительной работе губернской администрации, допустившей такое разложение. Следует отметить, что во втором издании Георгий Георгиевич провел прямые аналогии с работой киевской полиции в «деле Бейлиса»¹⁵. Там, как и в Саратове, приставы и следователи (например, Красовский и Мишук) тоже были отстранены от дел и отданы под суд. Как в «Саратовском деле», так и в раскрытии преступления в Киеве своим успехом следствие обязано энергичным действиям Петербурга. «Отделяться расследованиями ничего не обнаруживающей городской полиции больше нельзя было, и губернатор возложил

следствие на особого чиновника Волохова, которого вскоре сменил следователь, специально присланный из Петербурга – надворный советник Дурново»¹⁶. Н. С. Дурново был доверенным человеком министра внутренних дел Д. Г. Бибикова. Замысловский, характеризуя его, не жалеет эпитетов. «Необычайной энергии, искусству, полной неподкупности этого деятеля... и объяснено своим раскрытием одно из интереснейших и ужаснейших судебных дел русской уголовной летописи»¹⁷. Замысловский не говорит о масштабе следственных действий Дурново. Количество арестованных превысило все возможности их содержания в городском тюремном замке, и следствие арендовало дополнительный дом у отца одного из главных свидетелей «сманивания» евреями убитого Шерстобитова, мальчика Канина. Репрессиям подверглись не только евреи – местные жители, но и должностные лица. Н. С. Дурново был наделен широкими полномочиями. Практически сразу после его приезда на приставов трех частей Саратова Кузьмина, Константинова и Вандышева были заведены дела и они были отстранены от следствия как покрывавшие евреев. Также от следствия был отстранен и обер-полицмейстер г. Саратова подполковник Вестман¹⁸. В ответ на это саратовский губернатор М. Л. Кожевников объявил им благодарность¹⁹. Это привело к сложным отношениям между ним и Дурново. Чуть больше чем через год, 25 июля 1854 г., Дурново добился отстранения губернатора как мешавшего следствию²⁰. М. Л. Кожевников, почти десять лет возглавлявший губернию, был отправлен в отставку 17 сентября 1854 года²¹. По отзывам современников, он был честным и порядочным человеком. Бывший атаман Уральского казачьего войска и саратовский губернатор умер в бедности в Москве²². Его место занял А. Д. Игнатъев, уволенный за злоупотребления в 1860 г. после статьи Герцена в «Колоколе». 28 июля 1854 г. Дурново был назначен и. д. вице-губернатора, сосредоточив в своих руках весь административный ресурс²³. Осенью того же года были отстранены от должности и отданы под суд обер-полицмейстер и упоминавшиеся частные приставы. Даже чиновник по особым поручениям Волохов, еще до приезда Дурново направивший расследование по «ритуальному» следу, в марте 1855 г. был уволен. При восстановлении в должности в рапорте губернатору Игнатъеву в 1857 г. он отметил, что «и. д. вице-губернатора Дурново коварно служил Вам в 1854–1855 году»²⁴. Окончание карьеры Дурново в Саратовской губернии совпало с отстранением в 1855 г. от должности министра Д. Г. Бибикова. Он был в сентябре 1855 г. переведен и. д. вице-губернатора Виленской губернии, которой руководил брат бывшего министра И. Г. Бибиков. После его отставки, через год, Дурново в течение года (до 1857 г.) служил в Олонецкой губернии²⁵. Замысловский, естественно, не пишет подробно о разгроме губернии, о странностях карьерного роста Дурново. В работе

он представлен как «рыцарь без страха и упрека». И это понятно. По совместительству надворный советник Николай Сергеевич Дурново был еще и отцом Петра Николаевича Дурново, который на момент написания работы был лидером крайне правых в Государственном совете. Г. Г. Замысловский, в том числе, отвечал и за координацию работы правых фракций Государственной думы и Государственного совета. Поддержка правых в Государственном совете, особенно П. Н. Дурново, в предстоящем процессе была необходима.

Следующая проблема, «красной нитью» проходящая через всю работу, – евреи в армии. Г. Г. Замысловский был одним из ведущих специалистов среди правых в этом вопросе. Известность получила его речь при обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев (25 апреля 1908 г.), которая была издана трехтысячным тиражом. Замысловский предложил вниманию депутатов анализ ситуации сквозь призму национально-религиозного фактора. Согласно его данным, среди евреев гораздо выше процент уклоняющихся от службы. Однако те евреи, которые оказываются в армии, дурно влияют на товарищей, внося дух деморализации в солдатскую массу. Замысловский пришел к парадоксальному выводу: «Евреи, не являющиеся на призыв, уклоняющиеся, приносят вред, а евреи, не уклоняющиеся, являющиеся, приносят вред сугубый». В результате он заявил, что «евреям не место в армии»²⁶. Однако основная дискуссия развернулась в преддверии принятия нового «Воинского Устава» в 1912 году. Позиция правых была однозначной – евреев необходимо из армии удалить. Изгнание евреев с военной службы потянуло бы за собой и изъятие тех прав и свобод, которыми они еще пользовались (право голосовать), удаление из высших учебных заведений, запрещение юридической и медицинской практики, бойкот торговли и даже экспроприацию капитала. В вопросе службы евреев в армии с правыми черносотенными организациями были вполне солидарны и националисты. Так, выступавший в защиту Бейлиса В. Шульгин, одновременно писал: «...евреи не приносили никакой пользы в армии. Надо было при таком положении освободить евреев от несения воинской повинности. Эта мера не отразилась бы чувствительным образом на армии, но в значительной мере подвела бы черту под “ограничения”, кому меньше дано, с того меньше и взыскивается»²⁷. В «Саратовском деле» практически все обвиняемые, за исключением нелегально проживавшего в Саратове меховщика Я. Юшкевича, – солдаты-евреи. В городе, вне черты оседлости, других евреев быть и не могло. Замысловский красочно описывает все пороки и ужасы, которые творили еврейские солдаты. Они постоянно нарушали воинскую дисциплину, уходили из караула, воровали, совращали обывателей в иудаизм, склоняли к «кровавому производству» и многое другое. В

конечном итоге они организовали практически оптовую торговлю добытой ими у убитых детей христианской кровью, раскинув свои сети далеко за пределы Саратовской губернии. В преступный промысел они вовлекали христиан из различных слоев губернского общества. Солдаты, оказавшись без должного присмотра вне черты оседлости, терроризировали местное общество. В этом положении Замысловский, без сомнения, был блестящим новатором. До этой трактовки дела о взаимоотношениях евреев и армии строились на правой пропаганде, как ненависть еврейских общин к русской армии (Минский процесс и «Меджибожское дело»)²⁸. Здесь же еврейские солдаты грабят и пьют кровь местной общины.

Среди основных подозреваемых были рядовой Михаэль Шлиферман – цирюльник и рядовой Федор Юрлов, которые вместе с Юшкевичером и были в конце концов осуждены на каторжные работы сроком от восемнадцати до двадцати лет. Большой интерес у автора вызвал Федор Юрлов. Последний был сыном Я. Юшкевича. Поругавшись с отцом, он ушел из дома, вел разгульный образ жизни, был шарманщиком. В итоге своих приключений он крестился, за плату пошел в рекруты вместо сына одного из саратовских мещан и принял самое деятельное участие в убийстве. Замысловский много раз обыгрывает эту ситуацию, подводя читателя к мысли, что крещеный еврей не перестает быть евреем со всеми пороками, присущими этой национальности. В отличие от российского законодательства, рассматривающего как идентификационный принцип конфессиональную принадлежность, Замысловский стоял на позициях этнического расового национализма. От Федора Юрлова Георгий Георгиевич «перекинул мостик» к другому «ренегату», в той же степени не заслуживающему доверия. Им оказался известный ученый-гебраист Даниил Хвольсон. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии, выступавший экспертом по «Саратовскому делу», автор ряда «антинаветных» публикаций тоже был крещеным евреем. На критике Хвольсона мы остановимся ниже.

Второе издание исследования Замысловского о «Саратовском деле» вышло в 1914 г., то есть после оправдания Бейлиса. В этой значительно расширенной работе автор попытался учесть многие проблемы, появившиеся в ходе судебного разбирательства. В первую очередь были более глубоко рассмотрены ритуальные аспекты.

Замысловский и правые не учли одного очень важного обстоятельства – изменившейся системы судопроизводства и принципов формирования доказательной базы в пореформенных судах. Замысловский в своей работе сетовал на излишнюю мягкость по отношению к преступникам дореформенного суда. «Недостатки дореформенного процесса ... были в данном случае к выгоде осужденных иудеев, а не ко вреду, ибо, при отсутствии их сознания, поличного и

свидетелей очевидцев для них не была потеряна возможность... остаться в подозрении, несмотря на неотразимые косвенные улики и на полное внутреннее убеждение судей»²⁹. Обвинение рассчитывало на то, что при помощи административного ресурса, стойкой и не требовавшей особых доказательств мифологемы об употреблении евреями крови, фальсификации свидетельских показаний можно обвинить Бейлиса, тем самым доказав единственный мотив преступления – ритуал. «Подразумевание» ритуала в действиях Бейлиса не являлось мотивацией преступления в уголовно-процессуальном плане. Такую судебную игру навязала обвинению защита. Адвокат О. Грузенберг сразу после оглашения обвинительного заключения, в котором не было прямых отсылок к ритуальности убийства Ющинского, потребовал «ритуальной» экспертизы³⁰.

Обвинению и правым пришлось в спешке переводить «мифологический» нарратив в научную и процессуальную плоскость. Эмпирическая уверенность в употреблении евреями крови должна была быть доказана в суде при помощи исторического, теологического и психиатрического инструментария.

Защита Бейлиса пошла по пути, где доказательство отсутствия религиозной мотивации вело к оправданию подсудимого, которое, в свою очередь, снимало бы подозрения и со всего еврейского народа. К таким выводам могла прийти только историко-теологическая экспертиза. В этом вопросе у защиты был явный перевес. Ни православная, ни римско-католическая церковь употребления в иудаизме крови не признавала и, очевидно, менять канонические правила из-за процесса Бейлиса не собиралась. Более того, сильную помощь защите Бейлиса в организации богословской экспертизы оказал видный член СРН архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), делегировав на процесс профессора Троицкого³¹. Обвинение смогло противопоставить ксендза из Ташкента с не очень благовидной репутацией И. Пранайтиса. При изучении стенограммы процесса постоянно возникает вопрос: для кого устраивались жаркие теологические споры со сложными многовариантными трактовками выдержек из различных источников? Скорее всего, не для присяжных заседателей, состав которых не позволял надеяться на должное восприятие ими всех казуистических аспектов ритуала. Все баталии происходили для протокола, а вернее, для будущей кассации в Сенате, который и должен был окончательно подтвердить или опровергнуть ритуальность совершенного преступления, создав прецедент. И защита, и обвинение не сомневались в невиновности Бейлиса. Вся доказательная база его виновности строилась на абсолютно бредовых показаниях. Тем, кто инспирировал процесс, сам Бейлис был малоинтересен. И скорее всего, осуждение его рассматривалось как желательный, но совсем не обязательный результат.

Суд над Бейлисом представлял сложный юридический спор, абсолютно новый в подобном рода процессах, и это, по меткому замечанию В. Жаботинского, было «дело без Бейлиса»³². Важен был сам процесс. Аргументационная база защиты была более сильной, что видно из протоколов. Однако в самый последний момент представителю матери убитого Г. Замысловскому удалось минимизировать успех защиты. Он предложил выделить в отдельный вопрос ритуальную составляющую дела. Отделив вопрос от маловероятного обвинения лично Бейлиса, не вдаваясь в теоретические нюансы употребления крови, обвинение добилось фактического признания существования ритуального группового убийства. Все, от места преступления (еврейская хирургическая больница) до характера убийства, говорило о кровавом ритуале³³.

Как и ожидалось, присяжные ответили отрицательно на вопрос о виновности Бейлиса. И это, в принципе, для обвинения было даже не плохо. Формальная победа защиты делала процесс кассации ненужным. Наоборот, всеобщая эйфория среди сторонников Бейлиса после вынесения приговора и скоротечная эмиграция самого оправданного не давали возможности защите оспорить приговор. Обвинение, а также представители потерпевшей стороны, формально неудовлетворенные приговором, собирались его кассировать.

Вышедшая в 1914 г. книга Замысловского как раз и была проектом этой кассации. По идее, обвинение должно было выступать против оправдания лично Бейлиса. Но в работе Замысловского о Бейлисе сказано лишь несколько слов. Тогда возникает справедливый вопрос о целях такой кассации. Обвинению было нужно, чтобы Сенат утвердил приговор Киевского окружного суда, тем самым инкорпорировав его в общую сенатскую практику. Это создавало бы официальный прецедент существования ритуальных убийств. Бейлис уже в феврале 1914 г. беспрепятственно навсегда покинул пределы Российской империи. Данное обстоятельство еще раз доказывает незаинтересованность стороны обвинения в Бейлисе.

Первые шесть глав работы практически дословно повторяют издание 1911 года. В них описывалось то, что было необходимо для целостного «ритуального» определения, – участники убийства. Роль Бейлиса в них играют рядовые Саратовского гарнизона Михаэль Шлиферман и Федор Юрлов, а также меховщик Янкель Юшкевичер. По ним уже существовало высочайше утвержденное в 1860 г. обвинительное заключение Государственного совета и Сената, правда, без ритуального определения, которое уже было в «деле Бейлиса». Совмещая два «неполноценных» прецедента, обвинение получало целостное событие. Таким образом, «Саратовское дело» и «дело Бейлиса» создавали в процессуально-юридических рамках

прецедентного права законченное «ритуальное» определение. Как раз этого правые и добивались.

Новое издание было дополнено тремя главами. В них Замысловский попытался перевести ритуальную мифологию в научный позитивистский нарратив. Таким образом, место, форма и характер убийства, лишь очерченные в решении присяжных, должны были быть наполнены фактическим содержанием. Процесс показал, что добиться доказанного признания того, что в иудаизме присутствуют кровавые ритуалы, практически невозможно. Тысячелетний поиск каких-либо описаний страшных обрядов не привел к успеху. Существовал единственный выход, который был традиционен для всех российских «ритуальных» процессов. Не акцентируя внимания на всей практике иудаизма, можно было сфокусироваться на некой секте, отщепенцах, которые и практиковали столь жуткие ритуалы. Доказательная база сужалась до определения гипотетических девиаций в рамках иудаизма. Такой, по мнению власти, сектой был хасидизм. Во-первых, внешняя сторона обрядовых действий в глазах стороннего наблюдателя была схожа с рядом христианских экстатических течений, например хлыстов. Абсолютная и непререкаемая власть главы общины, эмоциональное богослужение и целый ряд специфических особенностей были характерны для знакомых российской власти экстатических сектантов. В XIX в. произошел процесс «отзеркаливания», то есть экстраполяции определенных стереотипов с христианских сектантов на иудеев³⁴. Те же хлысты обвинялись в XVIII в. в ритуальных действиях, абсолютно идентичных обвинениям евреев в XIX–XX веках³⁵. Во-вторых, в XVIII – начале XIX в. проходила достаточно острая борьба между «ортодоксальными» евреями и хасидами. Обе стороны конфликта часто апеллировали к официальным властям. Складывалось впечатление, что если официальный иудаизм не имеет никакого отношения к «кровавым» ритуалам, то, вполне вероятно, некая секта (например, хасиды) это может практиковать. В 1841 и 1844 гг. вышли работы В. И. Даля. Первая из них была посвящена кровавым ритуалам среди русских сектантов, а вторая – убийству евреями христианских младенцев. В ней упор делался именно на хасидов. Следует, правда, отметить, что хасиды составляли значительную часть российского еврейства, особенно на территории современной Украины. Важно еще и то, что российская судебная система в целом и Сенат в частности были привычны к «сектантским» делам³⁶. Появился такой феномен как российский «протестантизм» (в основном в низовых стратах общества). Уходя корнями в раскол и в XVIII в., в XIX – начале XX в. он приобретает законченное, иногда институциональное оформление³⁷. В некоторых губерниях количество сектантов доходило до 15% населения (не считая старообрядцев)³⁸. Их отношение к официальной религии и государству было явно отрицательным

(именно в таких деревнях народники вели активную агитацию)³⁹.

Официальным религиозным институтам обвинение иудеев в кровавых ритуалах было совершенно не нужно. Однако существование среди них некой изуверской секты доказывало порочность сектантства как явления. Здесь следует отметить, что РПЦ, не признавая кровавых ритуалов в иудаизме, косвенно допускала существование возможных девиаций в этой конфессии. Следует отметить и то, что официальная церковь через призму религиозных отклонений не отрицала кровавых жертвоприношений. Ритуал был закреплен в культах «умученных иудеями» святых Евстратия Печерского и Гавриила Белостокского (Заблудовского). В 1908 г. членом СРН архиепископом Волынским Антонием (Храповицким), выступившим против кровавого навета в целом, был написан акафист Гавриилу. В годы Первой мировой войны его мощи были перенесены в собор Василия Блаженного, где и велась литургия настоятелем собора, известным деятелем СМА отцом Иоанном Восторговым вплоть до его ареста и казни большевиками летом 1918 года⁴⁰. Г. Г. Замысловский сделал упор в своей работе именно на существование изуверской секты, оставив обвинению иудеев в целом лишь общие эмоциональные фразы. В таком ракурсе его «теологические» доказательства ритуала были приемлемы как для суда, так и для церкви. Исследование Замысловского конкретизировало и возможную секту – последователей Любавичского Ребе, самую крупную ветвь среди хасидов. Следует отметить, что в начале XX в. Замысловский, обвиняя хасидов, имел в виду не маленькую раскольничью секту, а большую часть еврейского населения Украины и Белоруссии. В такой коннотации навета можно было избежать сложных религиозных диспутов и, не отрываясь от практики российских ритуальных процессов, обвинить значительную группу еврейского населения.

Крайне интересна и форма научных дискуссий, развернувшихся на страницах исследования. Работ, посвященных кровавому навету в целом и «Саратовскому делу» в частности, вышло во второй половине XIX – начале XX в. огромное количество. Складывалось впечатление, что, наряду с экономическими и социальными проблемами, ритуальные обряды были одной из самых злободневных тем⁴¹. По своему уровню исследования были весьма разные. Наверное, наиболее профессиональной была работа известного российского семитолога Даниила Хвольсона «О некоторых средневековых обвинениях против евреев», вышедшая в 1861 г., то есть через год после вынесения приговора по «Саратовскому делу»⁴². Сам Хвольсон в 1855 г. был экспертом по этому делу и доказывал отсутствие кровавых ритуалов у евреев. Диаметрально противоположной точки зрения придерживался другой, не менее популярный в определенных кругах автор Ипполит

Лютостанский⁴³. В его работах переплелись все наветные нарративы, ритуальные процессы, элементы государственной политики по отношению к сектантам в очень и очень эклектичной форме. После Кутаисского процесса 1878 г., в котором использовались материалы Лютостанского, Хвольсон издал в 1878 г. еще одну работу – «Употребляют ли евреи христианскую кровь?». В ней было достаточно резкое предисловие, в котором автор апеллировал к власти с требованием воздействовать на Лютостанского⁴⁴. В ответ на это другой участник «Саратовского дела», бывший в начальный период следствия в ссылке в Саратове, известный историк Николай Костомаров опубликовал статью в консервативном «Новом времени». Там он повторил мнение о том, что как среди христиан, так и среди евреев бывают религиозные изуверы⁴⁵. Статья не отличалась ни широкой доказательной базой, ни характерной для Костомарова живостью и красочностью изложения⁴⁶. Виною этому могли быть и болезнь, которую историк перенес в 1875 г., и то, что причиной написания работы стало высказанное Хвольсоном сомнение в профессиональности следствия в Саратове. Костомаров во многом принял это и на свой счет. Вообще он до конца жизни не любил вспоминать о саратовских событиях и своем участии в них. Сложно сказать, что происходило с ним в городе на Волге, где он был под надзором полиции, в период следственной «вакханалии» Н. С. Дурново. В следующем номере газеты Хвольсон достаточно аргументированно ответил на все вопросы историка, хотя и в немного жесткой для научной дискуссии форме⁴⁷. Ожидаемого ответа от Костомарова не последовало. Именно на этих авторов и опирался Замысловский. Но подошел он к научному обоснованию не как историк или теолог, а как практический юрист. В первых строках повествования он дезавуирует своего потенциального оппонента Хвольсона, делая из него заинтересованного свидетеля, чьим показаниям нельзя доверять. Первое, и самое главное для Замысловского то, что Хвольсон принял крещение лишь в 1855 г., когда и делал свое экспертное заключение⁴⁸. Более того, из четырех научных экспертов «ритуальности» убийства в Саратове двое (Хвольсон и Левинсон) были по происхождению евреями. Обвиняя их в предвзятости, Замысловский рассматривал также не только версию ложной трактовки материалов, но и их дальнейшую пропажу. Это касалось книг, изъятых у евреев в разных частях империи⁴⁹. К слову сказать, все перечисленные в списке Сената работы достаточно известные и Георгий Георгиевич, конечно, мог их найти. Более таинственная история произошла с делом секретного фонда канцелярии саратовского губернатора, включавшего все местные документы о расследовании «Саратовского дела» в период службы вице-губернатора Дурново. Следы дела, насчитывавшего более 1700 листов, теряются в 70-е гг. XIX века⁵⁰. Важное место в заочной полемике Замысловского

с Хвольсоном занимает и Костомаров, чье мнение, описанное выше, играет значимую роль: историк, известный своими либеральными взглядами, непосредственный участник событий однозначно высказывался за виновность саратовских евреев.

Это лишь некоторые аспекты, затронутые в работе Замысловского. Начавшаяся Первая мировая война и действительные проблемы, вставшие перед империей, сделали процесс поиска кровавого ритуала не столь актуальным. Потому эта занимательная история осталась незавершенной. Однако несложно предугадать, по крайней мере в рамках правовых институтов, ее возможное окончание. Скорее всего, «ритуальный» аспект иудаизма был бы инкорпорирован в систему российского законодательства. Мифологема кровавого ритуала уже к началу XX в. была инкорпорирована практически во все страны, как светские, так и религиозные и фольклорно-бытовые. «Дело Бейлиса» давало возможность адаптировать ритуал и в официальном праве. «Саратовское дело» было идеальным инструментом для этого, чем Замысловский и воспользовался. Тактически политическая элита, вполне вероятно, могла от этого и выиграть. Однако стратегически, как показало будущее, нет. Моделирование консолидирующей идеи опиралось на плохо адаптируемые и заимствованные этнические мотивации, не интегрировавшие имперское пространство, а разобщавшие его. Одновременно традиционные процедуры легитимации власти уже не выполняли необходимых функций из-за разницы в восприятии социального и культурного ландшафта основной массой населения и политической элитой. Таким образом, к тяжелым испытаниям Первой мировой войны страна пришла без адекватной новой государственной идеологии и с плохо функционирующими традиционными институтами.

Примечания

- 1 См.: Замысловский Г. Г. «Правда» Г. Короленко (письмо в редакцию) // Новое время. 1911. № 12832; *Он же*. Жертвы Израиля. Саратовское дело. (По подлинным документам). Харьков, 1911; *Он же*. Умученные от жидов. Саратовское дело. По актам подлинного производства. Харьков, 1911; *Он же*. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914; *Он же*. «Черты к характеристике» (ответ Г. Короленко) // Новое время. 1911. № 12838; *Он же*. Изуверное убийство. Разоблачение греческого монаха Неофита, бывшего иудейского раввина. СПб., 1912; *Он же*. Историческая справка (о ритуальных убийствах). СПб., 1911; *Он же*. К вопросу о ритуальных убийствах у евреев. М., 1912; *Он же*. Убийство Андруши Ющинского. Речь в Киевском окружном суде 24 октября. 1913. СПб., 1914; *Он же*. Убийство Андруши Ющинского. Исследование в 3 частях. Пг., 1917 и др.
- 2 См.: Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. 1827–1914. М., 2003. С. 341.

- 3 Троцкий Л. Д. Наше имя – честное. (Замысловский в Думе) // Киевская Мысль. 1913. 25 октября. № 225.
- 4 Грузенберг О. О. Вчера : Воспоминания. Париж, 1938. С. 120.
- 5 См. подробнее: Львович М. «Ритуальные убийства». СПб., 1911 ; *Он же*. «Последняя позиция» (Саратовское ритуальное дело в освещении члена Государственной Думы Г. Замысловского). СПб., 1912 ; Гессен Ю. Кровавый навет в России. М., 1912 и др.
- 6 См.: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. I – III. Киев, 1913.
- 7 См.: Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 120.
- 8 См. подробнее: Коцюбинский Д. А. Утопия русского консерватизма : на примере партии «Всероссийский национальный союз» (1908–1917) // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании России (от истоков к современности): Сб. статей. Вып. 1 / под ред. Ю. Н. Солонина. СПб., 2004. С. 79–105.
- 9 См.: Каюбинский Д. А. Об исторической несовместимости России и русского национализма. URL: // <http://www.apn-spb.ru/publications/article377.htm>. (дата обращения: 11.10.2011).
- 10 См.: Грутунс А. Бейлисада : Дело об обвинении Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве. Рига, 2007.
- 11 См.: Рябов Г. Конь бледный Бейлиса // Родина. 2000. № 2–3.
- 12 См.: Дорфман М. Кровавый навет : опыт деконструкции. URL: // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/dorf_krov.php. (дата обращения: 2.10.2011).
- 13 См. подробнее: Бронзов А. А. Еврейская тактика // Церковный вестник. 1912. № 27 ; *Он же*. Ритуальные убийства // Церковный вестник. 1916. № 6 ; Бутми Н. А. Догмат крови. СПб., 1914 ; Быховский В. Слово правды по поводу обвинения евреев в употреблении христианской крови. СПб., 1880 ; В. Г. Дело о ритуальных убийствах (архивная справка) // Новое время. 1911. № 1285 ; Вакандар Е. Вопрос о ритуальном убийстве у евреев. Киев, 1912 ; Пранайтис И. Христианство в талмуде // Справка к докладу по еврейскому вопросу. Ч. 3. СПб., 1910. С. 156–178 и др.
- 14 См.: Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело. По актам подлинного производства. Харьков, 1911.
- 15 Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914. С. 6.
- 16 Там же. С. 55.
- 17 Там же. С. 57.
- 18 См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 483об; Второе дополнение к записке по делу об убийстве в г. Саратове двух христианских мальчиков. СПб., 1861.
- 19 См.: Саратовские губернские ведомости. 1853. 20 июня. № 25.
- 20 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1283. Л. 1.
- 21 Там же Л. 2.
- 22 См.: Кожевников М. Л. Биография. URL: <http://www.yaik.ru> (дата обращения: 9.10.2011).
- 23 ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 985. Л. 44.
- 24 Там же. Д. 1401. Л. 1.
- 25 См.: Раздорский А. И. Указатель имен и лиц, учтенных в адрес-календарных разделах памятных книжек Олонечкой губернии на 1856–1858, 1860, 1864–1868/69 гг. URL: <http://www.petergen.com/publ/imukramolon1.shtml> (дата обращения: 8.10.2011).
- 26 Речь депутата Г. Г. Замысловского, произнесенная в заседании Государственной думы 25 апр. 1908 по вопросу о контингенте новобранцев. СПб., 1908.
- 27 Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. Об антисемитизме в России. М., 1994. С. 260–261.
- 28 Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. С. 338.
- 29 Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914. С. 6.
- 30 См.: Кацис Л. Дело Бейлиса и дело Хильзнера (К проблеме сравнительного изучения «ритуальных процессов» в Центральной и Восточной Европе) // Вестн. Еврейск. ун-та. № 9. М. ; Иерусалим, 2004. С. 96.
- 31 Там же. С. 80.
- 32 См.: Жаботинский В. Дело без Бейлиса // Одесские новости. 26 сент. 1913.
- 33 См.: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Т. III. Прения сторон. Речи прокурора, гражданских истцов, защитников и резюме председателя. С приложением алфавитного поименного указателя. Киев, 1913.
- 34 См.: Зеленина Г. Кровь за кровь, миф за миф, наветы и ответы // Лехаим. 2009. № 1 ; Yival I. «They tell lies : you ate the man»: Jewish Reactions to Ritual Murder Accusations // Religious Violence between Christians and Jews : Medieval Roots, Modern Perspectives. N.Y., 2002. P. 86–106 ; *Campion-Vincent V.* Demonologies in Contemporary Legends and Panics. P., 1992.
- 35 См.: Панченко А. Христовщина и скопчество : фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002.
- 36 См.: Кони А. Ф. Речь по делу Гаврилова // Судебные речи. СПб., 1888 ; Баранов А. Н. Воспоминания о мультанском деле // Вестник Европы. 1913.
- 37 См. подробнее: Маргаритов С. История русских рационалистических и мистических сект. Издание второе, перераб. Кишинев, 1902 ; Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1885 ; Берман А. Г. Алатырская ересь. Из истории скопчества в Среднем Поволжье // Сны Богородицы : исследования по антропологии религий. СПб., 2006. С. 86–101 ; Мальцев А. И. Источники по истории страннического согласия второй половины XIX века в собрании рукописей Института истории СО РАН (соборные постановления и послания руководителей согласия) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 3. С. 29–36 ; Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской культуре. Исторический очерк. СПб, 1870 ; Клибанов А. И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века – 1917 г.). М., 1965 ; Ильинский Н. П. Религиозное сектантство и его идеология. Алма-Ата, 1958 ; Ливанов Ф. Н. Раскольники и острожники. Очерки и рассказы. Т. 1.

- СПб., 1868 ; Павел, архимандрит. Краткие известия о существующих в расколе сектах, об их происхождении, учениях, обрядах, с краткими о каждой замечаниями. М., 1885 ; Левенстим А. А. Фанатизм и преступления // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 7. С. 37–78 ; Новицкий А. Духоборы : их история и вероучения, СПб., 1882 и др.
- ³⁸ ОР РНБ. Ф. 37. Д. 40. Артемьев. Докладная записка (МВД) о результатах работы по изучению истории и догматов различных раскольничих сект в России. 15 марта 1864 г.
- ³⁹ См. подробнее: Никандрова М. Революционное народничество и сектантство. (О попытках народников 70-х годов XIX века привлечь сектантов к борьбе против самодержавия). М., 1974 ; Программа для собирания сведений по русскому сектантству, изданная Бонч-Бруевичем В. Д. // Этнографическое обозрение. 1908. Кн. LXXVII. № 3. С. 198–200 ; Хлыст, секта, литература и революция. М., 1998 ; Путинцев Ф. М. Политическая роль и тактика сект // под ред. Краськова (с приложением кратких сведений о наиболее распространенных сектах). М., 1935 и др.
- ⁴⁰ См. подробнее: Филарет (Гумилевский), архиепископ. Жизнеописание Святых чтимых Российской Православной Церковью. 1885. № 4 ; Чудесные исцеления по молитвам Святому младенцу Гавриилу // Гроднецкие Епархиальные Ведомости. 1909. № 31 ; Полное собрание сочинений протоиерея Иоанна Восторгова. Т. 5. СПб., 1998 ; Антоний (Храповицкий), архиепископ. Беседа Архипастыря с г. А. Чижевским // Журнал «Мирный труд». Харьков, 1913. № 9 ; Святой отрок Гавриил (Дело об антисемитской агитации в московском соборе Василия Блаженного, в связи с обнаружением в нем усыпальницы мученика Гавриила. Отзвуки дела Бейлиса) // Революция и Церковь. 1919. № 6–8 и др.
- ⁴¹ См. подробнее: Хасин В. В. Роль текстов свидетельских показаний в формировании сценариев «ритуальных» процессов в Российской империи в XIX веке // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 103–109.
- ⁴² Хвольсон Д. А. О некоторых средневековых обвинениях против евреев. Историческое исследование по источникам. СПб., 1861.
- ⁴³ См.: Лютостанский И. Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови для религиозных целей в связи с вопросом об отношении еврейства к христианству вообще. СПб., 1876.
- ⁴⁴ См.: Хвольсон Д. А. Употребляют ли евреи христианскую кровь? СПб., 1879.
- ⁴⁵ См.: Костомаров Н. И. Замечание по поводу брошюры изданной г. Хвольсоном : употребляют ли евреи христианскую кровь? // Новое время. 1879. № 1172.
- ⁴⁶ См.: Костомаров Н. И. Жидотрепание в начале XVIII века // Киевская старина. 1883. Т. 5. С. 1–26, 477–492.
- ⁴⁷ См.: Хвольсон Д. Ответ на замечание Н. И. Костомарова «по поводу брошюры изданной г. Хвольсоном : употребляют ли евреи христианскую кровь?» // Новое время. 1879. № 1192.
- ⁴⁸ См.: Замысловский Г. Г. Умученные от жидов. Саратовское дело по актам Государственного Совета. СПб., 1914. С. 58.
- ⁴⁹ Там же. С. 50.
- ⁵⁰ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 484.

УДК 94 (47)

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере Рязанской епархии)

И. И. Степанов

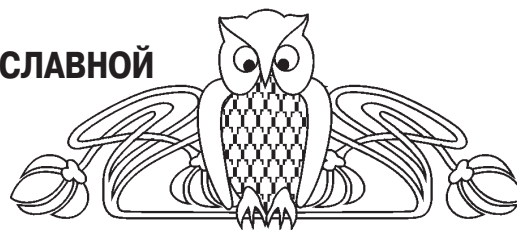
Рязанский государственный университет
E-mail: hiermonk-luke@yandex.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты социального служения РПЦ в конце XIX – начале XX в.: полемика вокруг изучения истории социального служения РПЦ в историографии XX в., основные уровни социального служения и их формы на примере Рязанской епархии. Автор подчеркивает бескорыстность и безвозмездность социального служения РПЦ в изучаемый период.
Ключевые слова: социальное служение Русской православной церкви, создание благотворительных обществ, приходское социальное служение, милосердие.

Social Service of the Russian Orthodox Church from the End of XIX Century till the Beginning of XX Century (on the Example of the Ryazan Eparchy)

I. I. Stepanov

© Степанов И. И., 2012

In the article some aspects of social service of the Russian Orthodox Church from the end of XIX century to the beginning of XX century are under research: discussion on the research of history of the social service of the Orthodox Church in the historiography of the XX century, the general levels of the social service on the example of the Ryazan eparchy in the same period. The author stresses that the social service of The Orthodox Church in that period got realized in unselfish and unpaid social activity.

Key words: social service of the Russian Orthodox Church, establishment of charity communities, parish charity, charity.

Социальным служением Русская православная церковь (РПЦ) занимается более 300 лет. Но до сих пор нет единого мнения среди ученых по поводу самого понятия «социальное служение», методов и форм его осуществления. Целью настоящей статьи является изучение практики социального служения Рязанской епархии в конце